

© 1997 г. М. И. МЕЛЬТЮХОВ*

РЕПРЕССИИ В КРАСНОЙ АРМИИ: ИТОГИ НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

К теме репрессий в Советском Союзе вообще и в Красной Армии, в частности, впервые обратились отечественные историки в середине 50-х - начале 60-х гг. в период критики "культы личности". В многочисленных работах тех лет показаны судьбы отдельных репрессированных военачальников, обоснован вред, нанесенный офицерскому корпусу, указаны виновные в этих беззакониях и приведены цифровые данные о масштабах репрессий. Отмечалось, что репрессии офицерских кадров стали одной из причин поражений в начале войны. Поскольку репрессии связывались исключительно с личностью Сталина, но после 1965 г, в связи с реабилитацией вождя, эта тема стала нежелательной и вскоре полностью исчезла из исследований предыстории войны.

Лишь на новой волне осуждения сталинизма во второй половине 80-х гг. этому вопросу уделили пристальное внимание публицисты, а затем и историки. За последние десять лет было опубликовано значительное число работ, в которых рассматриваются проблемы репрессий в Красной Армии, что породило мнение о довольно полной изученности этой темы. Утверждению подобного мнения способствовало и то, что эти труды оставались за рамками историографического анализа. В итоге наметился явный спад интереса и резкое сокращение количества исследований по этой проблематике. В предлагаемой статье автор стремится показать степень изученности темы репрессий в РККА, основываясь на анализе новейших публикаций.

Новое обращение к этой теме первоначально проявилось в форме общего осуждения репрессий в отношении офицерского корпуса Красной Армии. Основное внимание исследователей сосредоточилось на военачальниках, осужденных по "делу Тухачевского", чьи судьбы были довольно подробно освещены преимущественно в публицистических работах¹. В них давалась противоречивая оценка влияния германских документов о сотрудничестве этих военачальников с рейхсвером на возникновение и исход этого "дела". В литературе дебатировались две основные версии германская ли это интрига против руководства Красной Армии, или это сталинская интрига, организованная внешней разведкой

*Мельтюхов Михаил Иванович кандидат исторических наук, научный сотрудник ВНИИДАД

НКВД. Наиболее четко первая версия изложена в работе И. Пфаффа, считающего, что именно документы, переданные через президента Чехословакии Э. Бенеша в Москву, послужили причиной репрессий в армии, приведших к падению международного престижа СССР². Правда, факт передачи советским послом в Праге документов в Москву был поставлен под сомнение, как и его беседы с Бенешем 24, 26 апреля и 7 мая 1937 г.³, причем и по сей день эти события остаются неисследованными.

Я. Валента предлагает гипотезу, согласно которой Москва и Берлин проводили в отношении Праги скоординированный курс. Слухи о возможном военном перевороте в СССР циркулировали в Европе с лета 1936 г., а осенью разведка НКВД через своего агента генерала Н. Скоблина, работавшего и на германские спецслужбы, информировала шефа СД Р. Гейдриха, что эти слухи имеют определенные основания. Немцы изготовили фальшивые документы о связи Тухачевского с руководством рейхсвера, но не послали их в Москву, опасаясь, что сторонники маршала могут скрыть этот сигнал от Сталина. Поэтому начинается дипломатическая игра с Прагой, и документы поступают от Бенеша прямо к Сталину. С другой стороны, в январе 1937 г. в ходе политического процесса "Антисоветского троцкистского центра" К. Радек озвучивает версию о намерении оппозиции разорвать советско-чехословацкий договор о взаимопомощи и прямо называет имя Тухачевского. По мнению Я. Валенты, все это преследовало цель убедить Бенеша в существовании заговора, что наносило удар по франко-чехословацко-советскому союзу⁴.

Ю. В. Емельянов приводит версию, изложенную в книге П. Карелла, о том, что заговор военных существовал в действительности, и Сталин просто переиграл Тухачевского. Гитлер якобы знал о контактах военного руководства обеих стран и, опасаясь аналогичного заговора в Берлине, сообщил о них Сталину, который уже располагал определенными сведениями о заговоре⁵. И Я. Валента, и Ю. В. Емельянов специально оговаривают, что речь идет лишь о возможных версиях событий и призывают к тщательному исследованию все еще недоступных советских документов. Ф. Сергеев и С. З. Случ считают, что германские материалы не были причиной репрессий и не фигурировали при разбирательстве "дела о заговоре", а П. А. Судоплатов вообще отрицает их существование⁶.

Д. А. Волкогонov полагает, что на решение Сталина начать репрессии в армии повлияли циркулировавшие за рубежом слухи о подготовке антисталинского заговора среди военных. Поскольку подобных сигналов было много (в том числе и германские документы), Сталин дал указание НКВД присмотреться к М. Н. Тухачевскому. Одновременно в аппарате НКВД у арестованных военачальников выбивали показания о заговоре в армии, которые также докладывались в Кремль. Определенное влияние на решение вождя, по мнению автора, оказала статья Л. Д. Троцкого в "Бюллетене оппозиции" о недовольстве военных диктатором Сталином. Все это вместе взятое и подтолкнуло его к решительным действиям, причем борьба с Троцким предопределила дальнейший размах репрессий среди армейской верхушки⁷.

В. З. Роговин приводит список причин репрессий в Красной Армии. Он считает, что, во-первых, офицерский корпус был более самостоятельным и независимым от политических структур, нежели гражданские учреждения; во-вторых, в армии было много сторонников и сослуживцев Троцкого; в-третьих, армия отражала недовольство крестьян коллективизацией; в-четвертых, Тухачевский спорил со Сталиным по вопросам советской военной доктрины и по проблемам развития вооруженных сил; в-пятых, Тухачевский боролся с Ворошиловым за влияние в Наркомате обороны; в-шестых, Сталин завидовал популярности военачальников, и, в-седьмых, военные позволяли себе дискуссии о роли Сталина в Гражданской войне. Кроме того, разведка докладывала в Кремль фабрикуемые Западом версии о подготовке военного переворота в СССР, что также подогревало подозрительность Сталина. Получив германские документы, составленные при содействии НКВД, Сталин смог расправиться с Тухачевским. Вместе с тем, автор не исключает и того, что заговор военных действительно существовал. В подтверждение он ссылается на гипотезу А. Орлова, согласно которой Сталин был агентом царской охранки. Антисталинская оппозиция узнала об этом и стала готовить заговор с целью отстранения Сталина от власти, в котором и участвовали военные. Однако Сталин узнал об этом и организовал свой контрзаговор против военных⁸. Нетрудно заметить, что даже перечень причин репрессий, приводимый автором, довольно дискуссионен, не говоря уже о версии А. Орлова.

В работе В. М. Иванова отмечается, что все сведения об "антисоветской" деятельности будущих обвиняемых концентрировались в НКВД, а само дело было построено на оговорах и признаниях без приведения каких-либо доказательств⁹. Поскольку именно органы внутренних дел информировали вождя о заграничных слухах, получается, что мнительность

и внушаемость Сталина были использованы НКВД против руководства Красной Армии. Наиболее четко эту версию формулирует О. Ф. Сувениров, который считает, что "самым страшным преступлением НКВД перед Советскими Вооруженными Силами стала сознательная фабрикация его аппаратом заведомо ложной версии о существовании в РККА антисоветской военной заговорщической организации"¹⁰. Правда, эта гипотеза так и не получила однозначного решения, как и вопрос о том, какой именно процесс отразился в этих событиях - межведомственная или внутриведомственная борьба?

Источниковая база исследований проблемы репрессий в Красной Армии за последнее десятилетие, несмотря на ослабление, а затем и упразднение жесткого идеологического контроля, расширилась крайне незначительно. Внимание историков главным образом сконцентрировалось на документах, связанных с "делом Тухачевского"¹¹. Но они, как правило, лишь пересказывались в различных трудах. Кроме того, эти материалы, безусловно интересные и необходимые для изучения судеб осужденных по этому делу военачальников, не отражают общих аспектов чистки офицерского корпуса. В последние годы в литературе вновь стали широко использоваться материалы, введенные в научный оборот в период хрущевской критики "культ личности".

Только в 1994 г. было опубликовано выступление Сталина на заседании Военного совета при наркомате обороны 2 июня 1937 г., в котором он, оперируя выбитыми у арестованных показаниями, аргументировал перед высшим комсоставом необходимость очищения Красной Армии от шпионов и вредителей. Как показывает стенограмма этого заседания, военачальники с пониманием отнеслись к содержанию речи и в целом поддержали подобную политику, причем уже в ходе выступлений среди присутствовавших проявились определенные трения и подозрения¹². Признавая важность этой публикации, хотелось бы отметить необходимость ознакомления исследователей со всеми материалами заседания Военного совета, состоявшегося 1-4 июня, что позволит показать полную картину этого события и, скорее всего, даст новый материал для выявления реакции высшего комсостава Красной Армии на новый виток политической чистки.

В литературе серьезное внимание было уделено вопросу о виновниках и исполнителях репрессий. Большинство авторов довольно единодушно возлагают ответственность за чистку офицерского корпуса на Сталина и его окружение¹³. Как правило, причиной этих чисток считается стремление Сталина к устранению из политической жизни страны реальных и потенциальных претендентов на власть и упрочению личной диктатуры и другие черты личности этого человека. По мнению авторов справки «Дело о так называемой "антисоветской троцкистской военной организации" в Красной Армии» расширение репрессий в стране порождало у Сталина опасения за позицию армии, в которой было много крупных военачальников, критиковавших К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного, Г. И. Кулика, Е. А. Щаденко и имевших свое мнение. Тем самым не исключалась возможность колебаний в военном руководстве относительно поддержки сталинского политического курса. Поэтому возникала необходимость устранить всех, кто вызывал у Сталина и его окружения хотя бы малейшие сомнения¹⁴.

При этом взаимоотношения армейского и политического руководства остаются совершенно не изученными. Правда, по мнению В. В. Захарова, "основной причиной уничтожения руководства армии явились опасения, что оно может попытаться играть самостоятельную политическую роль, угрожая тем самым положению Сталина как единственного вождя армии и народа", а П. А. Судоплатов передает мнение Л. П. Берии, что М. Н. Тухачевский "осмелился поставить вопрос о смене военного руководства (Ворошилова - члена Политбюро), что свидетельствовало о том, что "он мог создать потенциальную независимую от правительства военную силу"¹⁵.

Как отмечает Б. Виктор, М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, А. И. Корт и В. К. Путья признали на суде, что разговоры об устранении Ворошилова между ними велись. Уборевич уточнил: когда решили поставить в правительстве вопрос о Ворошилове, то "нападать на Ворошилова по существу уговорились с Гамарником, который сказал, что крепко выступит против Ворошилова". Естественно, суд расценил намерения подсудимых обратиться в правительство как вынашивание террористических намерений в отношении наркома обороны¹⁶. Таким образом, заговор в Красной Армии существовал, но не "антисоветский", а "антиворошиловский", что требует более подробного изучения роли наркома обороны в организации и реализации "дела Тухачевского".

Кроме того, остаются практически не исследованными взаимоотношения внутри офицерского корпуса. Наиболее популярны утверждения о борьбе в высшем комсоставе "мотористов" (Тухачевский, Уборевич и др.) и "кавалеристов" (Ворошилов, Буденный и др.).

Однако, поскольку армия в 30-х гг. постоянно насыщалась новыми техническими средствами борьбы, остается неясным, насколько указанная полемика в верхах реально влияла на этот процесс. Кроме того, известно, например, что среди комсостава ВВС накануне войны существовали две точки зрения на основные способы завоевания господства в воздухе. Одна группа (генерал-майор Е. П. Птухин, генерал-лейтенант Ф. И. Кузнецов и др.) отдавала предпочтение одновременному массированному авиаудару по аэродромам противника, а другая (генерал-майор Г. П. Кравченко, генерал-лейтенант Я. В. Смушкевич, генерал-майор Т. Ф. Куцевалов и др.) - воздушным боям¹⁷. Но эти разногласия не привели к репрессиям, что позволяет усомниться в том, что именно профессиональные дискуссии спровоцировали их. Скорее всего, их причиной могла стать борьба внутри руководства Наркомата обороны за власть. Тем более что, как стало известно, в мае 1936 г. Тухачевский и его сторонники уже ставили перед Политбюро вопрос об отставке Ворошилова с поста наркома¹⁸.

Рассматривая чистку офицерского корпуса как борьбу политического руководства за полный контроль над армией, следует отметить противоречивость ее результатов. Так, по мнению П. А. Судоплатова, "репрессии приучили командование не выступать с инициативами кардинального характера, затрагивавшими политические интересы государства или расстановку сил в руководстве". Авторы же новейшего обобщающего военно-исторического труда отмечают, что репрессии порождали у офицерского корпуса безынициативность, и боязнь ответственности, что явно снижало боевые возможности армии¹⁹.

Попытки приписать Сталину непонимание важности механизации армии наталкиваются на его собственное утверждение: "... чтобы отстоять свое существование, страна должна иметь квалифицированную армию. <... > Должна быть постоянная, обученная, квалифицированная армия, подкованная на все четыре ноги, армия, которая будет иметь первоклассную авиацию, химию, танки, артиллерию, инженеров, техников, потому что тут все решает техника"²⁰. Думается, все эти противоречия диктуют необходимость изучения вопросов о наличии группировок среди высшего комсостава, их влиянии на политическое и военное руководство. В связи с отсутствием документальных источников этот аспект проблемы пока еще не может быть освещен сколько-нибудь удовлетворительно.

В литературе был затронут вопрос о реакции армии на чистку. В. Н. Раппопорт и Ю. А. Геллер отмечают, что высший комсостав предпочел не спорить со Сталиным, что и развязало ему руки. Однако они не дают ответа на вопрос о причинах такой пассивности²¹. Авторы справки «Дело о так называемой "антисоветской троцкистской военной организации" в Красной Армии» указывают, что к началу июня 1937 г. двадцать членов Военного совета при наркомате обороны уже были арестованы, и именно это в совокупности с материалами следствия сделало высший комсостав более сговорчивым²². По мнению С. Мишанова, к 1937 г. Красная Армия была "деполитизирована", т. е. военных отучили вмешиваться в политику, и они не играли в ней сколько-нибудь существенной роли. Армейские парторганизации занимались либо текущими делами, либо единодушно одобряли деятельность руководства ВКП(б), поэтому комсостав и не выступил против репрессий²³. Правда, подобные безусловно интересные наблюдения вряд ли можно считать окончательным ответом на этот непростой и слабо исследованный вопрос.

Л. М. Спиринов, С. Мишанов, Ю. Я. Киришин и Н. М. Раманичев показали, что у Сталина была собственная концепция строительства Красной Армии, и репрессии способствовали созданию в армии корпуса исполнителей сталинской воли²⁴. Конечно, Сталин мог сводить счеты с людьми из высшего комсостава, которых он знал лично, но чистки на местах этим объяснить невозможно. Наиболее подробно вопрос о целях репрессий в армии разбирает Л. М. Спиринов, по мнению которого, Сталин осуществлял подбор преданных идей, а следовательно, и ему лично, людей, поскольку считал, что управлять страной и армией должны новые люди, для которых он является непререкаемым авторитетом. Не случайно в своем выступлении на Военном совете при наркомате обороны 2 июня 1937 г. Сталин дал установку на выдвижение людей "снизу". У него были собственные принципы отбора руководителей, готовых безоговорочно выполнять указания высших инстанций. Он считал, что "если человек 1) силен (духовно), 2) деятелен, 3) умен (или способен)", то он "хороший", независимо от любых других "пороков", к которым вождь относил слабость, лень и глупость, считая, что "все остальное при отсутствии вышеуказанного составляет несомненную добродетель". Л. М. Спиринов справедливо видит в этих установках моральную неразборчивость советского руководителя при подборе кадров²⁵, что, впрочем, вполне логично, так как Сталин подбирал преданных исполнителей, игра на слабостях которых позволяла держать этих людей под контролем, используя их профессиональные знания.

Переформирование стрелковых войск*

Подразделения	1937г.	1938г.	1939г.
Кадровые дивизии	58	60	98
Смешанные "-"	4	2	-
Территориальные "-"	35	34	-
Отдельные бригады	-	-	5
Территориальные полки	2	2	-

* История Второй мировой войны. 1939-1945. М. 1974. Т. 2. С. 199. Данные приводятся на 1 января.

По мнению Ю. Ю. Юмашевой, главной отличительной чертой полководцев войны был профессионализм, т. е. умение и способность соответствовать нужным в данный момент требованиям. Выявив четкую зависимость военной карьеры от образовательного уровня, наличия боевого опыта и опыта службы в армии, автор делает вывод, что "ни национальность, ни социальное происхождение, ни предыдущая служба в царской или Белой армиях, ни осложнения в биографиях (носившие политический или любой другой оттенок), ни временные военные неудачи во внимание всерьез не принимались, и карьера зависела только от профессиональных черт данного человека. Государство делало ставку на профессионализм и работоспособность"²⁶. На наш взгляд подобная, излишне оптимистическая оценка вряд ли применима в полном объеме к периоду 1937-1939 гг. Однако нельзя не отметить, что Ю. Ю. Юмашева перечисляет практически полный набор анкетных данных, которые в случае необходимости могли послужить поводом для устранения любого командира, если он вдруг оказывался ненужным политическому руководству, под полным контролем которого проходила профессиональная деятельность военачальников. Поэтому трудно не согласиться с мнением С. З. Случа и С. Мишанова, что целью репрессий в армии было создать послушный и преданный Сталину военный механизм, сделав комсостав марионеткой в руках политического руководства²⁷. Тем самым репрессии получают определенное объяснение.

Во второй половине 80-х гг. в литературе преобладало мнение, что именно организованные Сталиным и НКВД репрессии привели к ослаблению Красной Армии и были одной из главных причин неудач в начале войны. И сейчас версия об ослаблении офицерского корпуса репрессиями не оспаривается никем из исследователей этого вопроса, однако, когда речь заходит о конкретных примерах этих негативных последствий, мнения расходятся. Некоторые авторы констатируют сам факт ослабления армии, не расшифровывая его²⁸. Д. А. Волкогонов, С. И. Исаев, Н. М. Раманичев, П. П. Чевела, А. Г. Хорьков, Ю. Я. Киршин, Ф. Б. Комал, В. Д. Данилов, В. А. Анфилов и Ю. А. Горьков²⁹ указывают, что качество офицерского корпуса снизилось в результате устранения опытных офицеров, частых перемещений по службе, создания дефицита военных кадров, снижения образовательного уровня комсостава, особенно высшего.

Однако нельзя не отметить, что частые перемещения по службе и дефицит военных кадров были порождены не столько репрессиями, сколько техническим переоснащением, организационным совершенствованием и форсированным развертыванием новых частей и соединений Красной Армии. Как отмечает Ю. А. Горьков, именно это привело к частым перемещениям офицеров на новые должности³⁰.

Как показывают материалы Наркомата обороны, этот процесс нарастал как минимум с 1935 г., когда начался перевод советских вооруженных сил на кадровую систему комплектования. При этом основные организационные мероприятия пришлось на 1937-1938 гг. Именно в этом время завершился перевод стрелковых войск на кадровую систему (см. табл. 1), в 1938 г. было осуществлено переформирование бронетанковых войск, в которых вместо моторизованных создавались оснащенные большим числом боевых машин танковые корпуса и бригады. К началу 1939 г. в Красной Армии имелось 4 танковых корпуса, 24 отдельные легкие, 4 тяжелые и 3 химические танковые бригады³¹.

В 1939 г. в Красной Армии было развернуто 4 фронтовых, 8 армейских управлений, 19 управлений стрелковых корпусов, 111 стрелковых дивизий, 16 танковых бригад, 12 запасных стрелковых бригад, 42 военных училища, 52 курса усовершенствования начсостава

запаса, 85 запасных полков, 137 отдельных батальонов (дивизионов) и значительное число тыловых и санитарных учреждений. Только эти мероприятия потребовали привлечения 117 188 человек начсостава (40, 8% к численности начсостава на 1 января 1939 г.). Во время войны с Финляндией общая численность офицерского корпуса еще более возросла, составив к 1 апреля 490 640 человек³².

После частичных демобилизаций в мае-июне 1940 г. штатная численность комсостава вновь несколько снизилась. Однако во второй половине 1940 - первой половине 1941 г. было сформировано 18 управлений армий, 16 управлений стрелковых корпусов, 29 управлений механизированных корпусов, 5 управлений воздушно-десантных корпусов, 86 стрелковых, 61 танковая, 31 моторизованная дивизии, 16 воздушно-десантных бригад, 10 противотанковых артиллерийских бригад и т. д. Были полностью переформированы на дивизионную структуру ВВС и продолжалось развертывание новых авиаполков³³. Естественно, столь широкомасштабный процесс создания новых воинских формирований не позволил решить проблему дефицита военных кадров. По данным В. П. Бородин, комплект комсостава изменялся следующим образом: 1935 г. - 17, 9%, 1936 г. - 18, 7, 1937 г. - 21, 7, 1938 г. - 34, 4, 1939 г. - 31, 6, 1940 г. - 19, 7, 1 января 1941 г. - 13%. При том, что только за 1938-1940 гг. армия получила 271, 5 тыс. офицеров³⁴, подобный дефицит нельзя объяснить ничем иным. Проанализировав расходы на содержание армии и флота, В. И. Ивкин пришел к выводу, что «Красная Армия была "отягощена" средним, старшим и высшим командно-начальствующим составом», составлявшим 15, 5% штатной и 13, 3% списочной численности советских Вооруженных Сил. Другими словами, в Красной Армии 1 офицер приходился на 6 солдат и сержантов, тогда как в английской армии этот показатель был равен 1: 15, в японской - 1: 19, во французской - 1: 22, а в вермахте - 1: 29³⁵. Дальнейшее изучение этого аспекта поможет прояснить вопрос о реальной нехватке комсостава в РККА.

Оценивая репрессии, Д. М. Проэктор высказал наиболее распространенную точку зрения: "это был удар, который подорвал Вооруженные Силы страны перед самой войной. Новые неопытные, малоподготовленные «выдвиженцы» должны были осваивать все сначала. На их плечи легла непосильная задача подготовки к войне..."³⁶ Ему вторит Л. М. Спирин, который отметил, что в результате репрессий "Красная Армия лишилась подготовленного командного состава и прежде всего его высшего звена, сильно затормозилось развитие военной науки"³⁷. А. Филиппов оспаривает версию об устранении наиболее опытных офицеров, отмечая, что они в лучшем случае имели опыт Гражданской войны, а служба в территориально-кадровой Красной Армии 20-х — начала 30-х гг. вряд ли способствовала получению опыта современной войны. По его мнению, подготовленные в стенах Академии Генерального штаба командиры и штабные работники высшего звена были "грамотной, перспективной когортой высшего комсостава, достойно восполнившей потерю репрессированных высших командиров-практиков"³⁸. Ю. Ю. Юмашева считает, что "высший командный состав Советских Вооруженных Сил в годы Великой Отечественной войны представлял собой новую, молодую (средний возраст 43 года), созданную и воспитанную за годы советской власти **высокопрофессиональную военную элиту**, занявшую руководящее положение в военной сфере в конце 30-х гг. В это время на командные должности в РККА пришли не "зеленые лейтенанты" (как утверждает общепринятая точка зрения), а опытные (хотя и молодые) военачальники"³⁹. Наличие диаметрально противоположных оценок свидетельствует прежде всего о слабой изученности этой проблемы, об отсутствии у исследователей четких критериев для выводов и доступного документального материала для изучения.

Популярным мотивом историографии являются утверждения о наличии к 1 января 1941 г. 12, 4% комсостава, не имевшего военного образования. Авторы новейшего обобщающего труда по истории войны отмечают, что в сухопутных войсках было 15, 9% офицеров, не имевших военного образования. Однако В. П. Бородин указывает, что большая часть этих офицеров находилась на политических, военно-хозяйственных, административных и военно-юридических должностях, а командные должности занимали лишь 4% из них. Причем на должностях от командира батальона до командира корпуса таковых было всего 0, 1%⁴⁰. Данные, приводимые В. Д. Даниловым, показывают, что, несмотря на расширение сети военно-учебных заведений, значительно повысить образовательный уровень комсостава не удалось, так как в условиях нехватки людей приходилось использовать офицеров запаса, в основном не имевших высшего военного образования⁴¹. Поэтому число офицеров с высшим и средним военным образованием снизилось с 79, 5% (на 1 января 1937 г.) до 63% (на 1 января 1941 г.)⁴². Правда, в абсолютных цифрах при

увеличении офицерского корпуса в 2, 8 раза число офицеров с высшим и средним военным образованием возросло в 2, 2 раза - с 164 309 до 385 136 человек⁴³. Как справедливо отмечают авторы книги "1941 год - уроки и выводы", на невысоком образовательном уровне офицерского корпуса РККА не могло не сказаться увольнение из армии бывших царских офицеров, в результате чего произошел определенный разрыв в процессе формирования состава вооруженных сил⁴⁴. Ю. Ю. Юмашева, анализируя сведения о 321 высшем военачальнике периода войны, отмечает, что 72, 3% из них имели высшее военное образование, причем 94 человека получили его еще в дореволюционное время, 12 имели ученую степень к 1941 г., 165 владели иностранными языками. Именно этот достаточно высокий, по мнению автора, образовательный уровень являлся одним из критериев, от которого в то время зависела военная карьера⁴⁵.

Д. М. Проэктор, В. А. Анфилов, А. М. Самсонов, Л. А. Киршнер, В. М. Кулиш⁴⁶ считают, что репрессии сказались на уровне военно-научных разработок, и это повлекло отказ от многих положений военной теории, разработанных в конце 20-х - 30-е гг. Так, Д. М. Проэктор полагает, что репрессии способствовали отказу от теории "глубокой наступательной операции", к которой вновь вернулись лишь в 1940 г. Автор не только не объясняет, почему произошел этот поворот, но и не приводит никаких доказательств тому, что он вообще имел место⁴⁷. Ведь если бы это действительно случилось, армия получила бы новые воинские уставы и наставления, кардинально отличающиеся от принятых до 1937 г., и в 1940 г. этот процесс пошел бы в обратном направлении. Однако ничего подобного не происходило, поэтому версия Д. М. Проэктора повисает в воздухе. Столь же надуманной представляется версия А. Н. Мерцалова и Л. А. Мерцаловой, считающих, что после репрессий в РККА у Советского Союза не было военной доктрины⁴⁸. Поскольку военной доктриной называется "принятая в государстве в данное определенное время система взглядов на сущность, цели и характер будущей возможной войны, на подготовку к ней страны, вооруженных сил и на способы ее ведения"⁴⁹, устранение части командного состава отнюдь не отменяет ее наличия, так как ее принципы закреплены в воинских уставах и наставлениях вооруженных сил.

В. Д. Данилов считает, что отход от теории глубокой операции" был преодолен лишь в ходе Великой Отечественной войны, которая доказала ее правильность⁵⁰. Однако автор не учитывает данных о предвоенном советском военном планировании, исходившем именно из этой теории. Л. А. Киршнер утверждает, что отказ от теории "глубокой операции" привел к гипертрофированному положению кавалерии в Красной Армии⁵¹. Но с этих позиций совершенно необъяснимо сокращение конницы с 32 кавалерийских дивизий на 1 января 1937 г. до 26 к 1 января 1939 г. К началу войны в Красной Армии осталось всего 13 кавдивизий⁵², и утверждения о преобладании в ней кавалерии выглядят несколько странно. Другие авторы в подтверждение своей точки зрения приводят лишь общие рассуждения. Наиболее серьезный аргумент - указание на то, что военно-научные труды "врагов народа" были изъяты из библиотек. Однако не следует забывать, что войска обучаются не по трудам отдельных военачальников, пусть даже гениальным, а по воинским уставам и наставлениям, которые никто не отменял. Как правило, из инструкций, руководств и наставлений просто изымали титульные листы или замазывали подписи репрессированных лиц, и до нового издания все эти документы продолжали действовать и использовались в войсках⁵³. В ряде работ было показано, что идеи Тухачевского не только не были отброшены, но, наоборот, были к 1941 г. претворены в жизнь⁵⁴. Тем самым нельзя не признать, что вышеприведенные версии вряд ли будут когда-либо доказаны.

Наибольшие разногласия вызвал вопрос о масштабах репрессий в Красной Армии. Вначале исследователи обходились общими фразами об обезглавленной армии, затем в литературе были повторены данные А. И. Тодорского, опубликованные в начале 60-х гг. Но до сих пор нет ясности в этом вопросе. Так, В. С. Коваль считает, что погиб весь офицерский корпус⁵⁵; Л. А. Киршнер же полагает, что лишь 50% офицеров были репрессированы⁵⁶. Д. А. Волгогонов и Д. М. Проэктор пишут о 40 тыс. репрессированных, А. М. Самсонов - о 43 тыс., Н. М. Раманичев - о 44 тыс., Ю. А. Горьков - о 48 773, Г. А. Куманев - о 50 тыс.⁵⁷ В книге В. Н. Рапопорта и Ю. А. Геллера говорится о примерно 100 тыс. офицеров, однако при этом приводятся сведения лишь о 651 репрессированном, т. е. 64, 8% высшего состава на 1 января 1937 г. О. Ф. Сувениров дает список на 749 человек⁵⁸. Сведения об остальных репрессированных до сих пор отсутствуют.

В. Д. Данилов, ссылаясь на архивные материалы, приводит цифру - 24 574 офицера, репрессированных в 1937-1939 гг., из которых 9579 было арестовано, 14 968 - уволено из

армии, а возвращено в армию 11 178 человек⁵⁹. Данные, используемые Ф. Б. Комалом, показывают, что в 1937-1939 гг. из сухопутных войск и ВВС было уволено 42 514 офицера, из них возвращено в армию 12 070, т. е. всего уволено 30444 человека, из которых 9579 арестовано. Автор совершенно справедливо указывает на то, что недопустимо смешивать понятия "уволенные" и "репрессированные", к которым следует относить лишь арестованных и уволенных по политическим мотивам⁶⁰. По мнению А. Филиппова, всего было уволено 38 тыс. офицеров, причем 9 тыс. увольнений пришлось на естественную убыль, 12 тыс. офицеров были восстановлены в кадрах. Следовательно, фактически уволено было 17 тыс., из них 9, 5 тыс. арестовано⁶¹. А. Т. Уколов и В. И. Ивкин на основе данных судебных органов РККА отмечают, что в 1937-1939 гг. было осуждено за политические преступления примерно 8624 человека, при этом указывая, что вряд ли стоит причислять к репрессированным осужденных за уголовные и морально-бытовые преступления⁶².

Кроме того, появились свидетельства, что одновременно с увольнением офицеров из армии шел процесс восстановления в кадрах РККА несправедливо уволенных. Ф. Б. Комал показал, что только в 1937-1939 гг. в армию было возвращено 12 070 уволенных, и этот процесс продолжался⁶³. Известно, что только в сухопутные войска из уволенных в 1937-1939 гг. к 1 мая 1940 г. был возвращен 12461 офицер⁶⁴. По мнению В. П. Бородина, к 1 января 1941 г. в армию вернулось свыше 13 тыс. офицеров, а из почти 16 тыс. уволенных было арестовано от 6 до 8 тыс. человек⁶⁵. Н. И. Кузнецов считает, что до начала войны число вновь принятых в кадры офицеров составило 25% от числа уволенных⁶⁶, хотя только вышеприведенные данные по сухопутным войскам дают 30, 9% на 1 мая 1940 г.

Из источников, дающих представление о динамике формирования офицерского корпуса, в научный оборот были введены две докладные записки начальника Управления по начальствующему составу РККА НКО Е. А. Щаденко⁶⁷. Эти материалы отражают общее положение с накоплением комсостава в армии, которого в условиях перехода на кадровую систему комплектования явно не хватало, и мерами, предпринимавшимися для его восполнения. В исследованиях гораздо шире используется отчет Е. А. Щаденко о работе управления за 1939 г. с конкретными цифровыми данными, характеризующими масштаб репрессий. Однако в этих документах речь идет лишь о сухопутных войсках и только о периоде до 1940 г. Все это позволяет составить полную картину чистки комсостава. Эти материалы взяты из архива ЦК ВКП(б), хотя основной массив документов хранится в архивах Министерства обороны. Зная советскую систему отчетности, можно уверенно предположить, что подобные отчеты по комначсоставу имеются за все предвоенные годы, и их комплексное изучение даст окончательный ответ на вопрос о масштабах репрессий в сухопутных войсках.

Пока же источниковая база не позволяет однозначно ответить на этот ключевой вопрос. Наиболее полные сведения по увольнениям комсостава имеются по сухопутным войскам, согласно которым в 1937-1939 гг. было уволено 36898 офицеров. Однако к репрессированным можно отнести лишь арестованных, уволенных за связь с заговорщиками и по национальному признаку, которых было 28 685 человек. В 1938-1939 гг. было восстановлено 11 178 уволенных из армии; таким образом, к 1 января 1940 г. репрессированных оказалось 17 981 человек⁶⁸. К 1 мая 1940 г. число восстановленных в армии офицеров составило 12461. Однако эти данные не позволяют представить, какие категории офицеров были реабилитированы, и уточнить число репрессированных. Реабилитация уволенных продолжалась до начала Великой Отечественной войны, но из-за отсутствия информации нельзя назвать число репрессированных.

Ф. Б. Комал приводит данные, согласно которым в 1937-1939 гг. из ВВС было уволено 5616 человек, а восстановлено в кадрах 892 человека, т. е. всего уволено 4724 человека⁶⁹. Однако при этом неясно, по каким причинам увольнялись эти люди, что затрудняет оценку масштаба репрессий в авиации. Относительно уволенных офицеров флота в литературе упоминается более чем о 3 тыс. человек, но опять же без указания причин их увольнения⁷⁰. Кроме того следует учитывать, что увольнения комначсостава проводились и в пограничных и внутренних войсках, входивших в состав советских Вооруженных сил. Таким образом, вопрос о масштабах репрессий все еще остается открытым, хотя министерства обороны и государственной безопасности не могут не располагать исчерпывающими материалами на этот счет. В частности, это утверждал Д. А. Волкогон, который писал о наличии томов "со списками репрессированных военачальников"⁷¹. К сожалению, в этом вопросе отечественная традиция пренебрежения к собственным гражданам предстает во всей своей неприглядности.

О. Ф. Сувениров, Л. А. Киршнер и А. М. Самсонов⁷² отмечают, что репрессии подрывали дисциплину в Красной Армии, и некоторые авторы (в том числе В. Д. Данилов⁷³) повторяют высказывания Г. К. Жукова, опубликованные в 1987-1990 гг. о том, что армия оказалась фактически обезглавленной и деморализованной, что репрессии дезорганизовали управление войсками⁷⁴. Повторяются и утверждения А. М. Василевского о том, что без 1937 г. не было бы войны в 1941 г.⁷⁵ Подобные взгляды недостаточно обоснованы и требуют дальнейших исследований. Представляется более справедливым мнение В. Д. Данилова о том, что в "армии, как и в стране в целом, была создана деспотичная обстановка: для одних - практически неограниченная власть, вседозволенность, безнаказанность, беззаконие; для других - неуверенность в завтрашнем дне, страх, пассивность"⁷⁶. К сожалению, автор не уточнил, кто именно скрывается за словами "одни" и "другие", да и никто из исследователей не стал развивать этот очень интересный социальный аспект темы.

С. Мишанов считает, что в армии репрессиям подверглось несколько категорий офицеров: 1) военспецы (офицеры и генералы до 1917 г.); 2) сторонники Троцкого или считавшиеся таковыми; 3) люди, замешанные в различных партийных оппозициях; 4) знакомые или связанные по службе с вышеперечисленными; 5) ветераны ВКП(б) и Гражданской войны⁷⁷. Правда, можно привести не один пример, когда люди, подпадавшие под одну или несколько вышеуказанных категорий, не были репрессированы, поэтому не следует считать это деление универсальным. Автор справедливо отметил, что репрессии одних означали быстрое продвижение по службе для других, а Н. М. Якупов и О. Ф. Сувениров упоминают о распространении в армии доносов, которые, по мнению последнего, способствовали продвижению по службе⁷⁸. Однако эти темы не получили серьезного освещения, и остается неясным, влияли ли доносы на карьеру их авторов и насколько случайно заполнялись образовавшиеся вакансии.

Как показали в своих работах Ф. Б. Комал и О. Ф. Сувениров⁷⁹, в конце 30-х гг. была увеличена сеть военно-учебных заведений и курсов комсостава, улучшено материальное положение офицеров, ширилась подготовка офицеров запаса, что, по мнению Ф. Б. Комала, позволило обучить немало хороших офицеров⁸⁰. В работах С. Мишанова и В. И. Ивкина отмечается, что во второй половине 30-х гг. быстро растет материальное благосостояние офицеров, зарплата которых за 1934-1939 гг. выросла на 268%, и советские офицеры были одной из самых высокооплачиваемых категорий населения⁸¹. Но это лишь фрагменты, не позволяющие представить полную картину материально-бытового положения офицерского корпуса в конце 30-х - начале 40-х гг. Это свидетельствует о свойственном отечественной исторической литературе отсутствии исследований социальных аспектов советского общества.

О. Ф. Сувениров показал, что хотя репрессии 1937-1938 гг. явились самыми крупными, они не были чем-то необычным в строительстве Красной Армии. Чистки комсостава велись с середины 20-х гг., и в этот период Наркоматы обороны и внутренних дел действовали согласованно⁸². Д. М. Проэктор отмечает, что "кампания обвинений во вредительстве и оппортунизме против ряда руководящих офицеров, вызвавшая тревогу, замешательство и раскол среди военных, стала разворачиваться еще с начала 30-х гг. Начались "разоблачения", сеявшие взаимную подозрительность и недоверие"⁸³. В 1924-1936 гг. из армии было уволено 47 тыс. бывших офицеров русской армии⁸⁴. К сожалению, все эти вопросы еще не изучены и очень слабо отражены в литературе.

Рассматривая судьбу армейского партаппарата в 1937-1939 гг., О. Ф. Сувениров отмечает, что политическая чистка в армейских парторганизациях шла с 1935 г. под непосредственным руководством Политуправления РККА. До июня 1937 г. главными врагами считались троцкисты, зиновьевцы, правые уклонисты и связанные с ними, а позднее - заговорщики и шпионы. Только в 1937 г. к партийной ответственности было привлечено 23 599 человек, из которых 10 341 были исключены из партии. Попытки объективного рассмотрения партийных дел в Парткомиссии Политуправления Красной Армии были довольно быстро пресечены арестами ее членов. Показывая активную роль армейских политуправлений в организации чисток, автор отмечает, что они сами находились под бдительным контролем НКВД, и все армейское политическое руководство было репрессировано⁸⁵.

По мнению О. Ф. Сувенирова, с мая 1937 г. НКВД перестал считаться с руководством НКО и до конца 1938 г. проводил репрессии без оглядки на военное руководство. С начала 1939 г. взаимодействие этих ведомств было восстановлено, и в начале 1941 г. органы НКВД, действующие в армии, были подчинены также и НКО, хотя особые отделы продолжали находиться в привилегированном положении. Вопрос о взаимодействии НКВД и руко-

водства НКО в осуществлении репрессий требует более тщательного изучения. Как показано в работе НМ Якупова, 21-22 ноября 1937 г на заседании Военного совета при наркомате обороны, посвященном чистке в армии, руководство округов отчитывалось о больших успехах в деле выявления вредителей. Скорее всего, механизм репрессий был таким же, как и в стране: каждый округ получал разнарядку на определенное количество врагов народа и должен был ее выполнить, а еще лучше - перевыполнить. Командующие на заседании, упоминавшие о снижении боеготовности войск из-за чисток, сами оказывались репрессированы⁸⁷. Кроме того, не следует забывать, что высший комсостав входил в номенклатуру ЦК ВКП(б), где и решалась его судьба. Это опять возвращает нас к изучению вопросов о взаимоотношениях внутри офицерского корпуса и о принципах формирования руководящего слоя в стране и армии.

Комплексное рассмотрение исследований о репрессиях в Красной Армии показывает, что широко распространенная версия об их катастрофических для армии последствиях требует дальнейшего тщательного изучения. К сожалению, пристальное внимание к 1937-1938 гг. приводит к выпячиванию этих событий как некоей аномалии в истории советских Вооруженных Сил. Однако более глубокое изучение связанных с этим проблем ставит правильность подобного подхода под сомнение. Все еще остаются слабо исследованными вопросы о месте 1937-1938 гг. в системе чисток офицерского корпуса РККА, их связи с планами Сталина в отношении армии, боевой и политической подготовкой комсостава и реальной боеготовностью Красной Армии накануне войны. Пока все эти проблемы содержат гораздо больше вопросов, чем ответов. Центральный же из них - последствия репрессий для боеготовности Красной Армии - пока не может считаться окончательно решенным, поскольку не были сформулированы объективные научные критерии для его решения, и ученые не получили доступа к необходимому документальному материалу.

В имеющейся отечественной литературе по проблеме довольно четко выделяются две основные тенденции. Одну из них можно условно назвать "проармейской", так как в ней довольно четко проводится мысль, что офицерский корпус - элита не только армии, но и страны в целом, а поэтому организованные и проводившиеся НКВД репрессии не только необоснованны, но и преступны в отношении судеб страны и являются самым страшным преступлением органов. Другая тенденция имеет явно антисталинскую направленность, поскольку в ней акцентируется внимание на роли Сталина в организации беспричинных и самоубийственных для страны репрессий офицерского корпуса. Думается, что подлинно научное изучение этих трагических событий возможно лишь за рамками вышеуказанных тенденций, и оно еще впереди.

Углублению изучения этих вопросов препятствует недостаточно широкая источниковая база. Несмотря на довольно бурное обсуждение этой проблематики в конце 80-х - начале 90-х гг., введение в научный оборот документов было не столь значительно, как можно было бы ожидать. Появившиеся документы, хотя и конкретизировали некоторые аспекты, но не позволили всесторонне рассмотреть данную проблему. В результате в литературе сохраняется разногласия по основным вопросам темы. Тематика исследований проблемы репрессий в Красной Армии, к сожалению, почти не вышла за рамки, сложившиеся в 50-60-х гг., что определялось наличной источниковой базой. Примерно на уровне того десятилетия остаются и общие выводы исследователей. Не только не решены, но зачастую даже не поставлены вопросы о целях чисток офицерского корпуса, о межведомственных трениях в те годы, о наличии и взаимоотношениях различных группировок в Красной Армии, о месте и роли офицерского корпуса в тоталитарном государстве. Поэтому трудно отказаться от мысли, что прошедшее десятилетие оказалось не очень плодотворным в разработке данной тематики.

Примечания

¹ См., напр., Виктор Б. Заговор в Красной Армии // Правда, 1988, 29 апреля, Иссерсон Г. Судьба полководца // Дружба народов, 1988, №5, Тухачевская Е. Н. В тени монумента // Огонек, 1988, №17 Хорев А. Маршал Тухачевский // Красная Звезда, 1988 4 июня, Жохов М. Гамарник Ян // Коммунист Вооруженных Сил, 1988 №17, Хорев А. Комкор Примаков // Красная Звезда, 1988, 1 октября и др.

² Пфафф И. Прага и дело о военном заговоре // Военно-исторический журнал, 1988, № 10 С 44-53 № 11 С 47-56, № 12, С. 61-69

³ Абрамов Н. Дело Тухачевского: новая версия. Рассекреченные документы из Архива внешней политики СССР // Новое время, 1989, № 13, С. 36-39, Судоплатов П. А. Разведка и Кремль, М., 1996, С. 103-106

- ⁴ Валента Я. "Дело" маршала М. Н. Тухачевского (к вопросу о хронологии и интерпретации) // Советское славяноведение, 1991, №4, С. 37-48
- ⁵ Емельянов Ю. В. Был ли заговор Тухачевского? // Слово, 1991, № 12, С. 8-11
- ⁶ Сергеев Ф. Нацистская разведка против СССР: "дел" Тухачевского, операция "Цепелин" // Новая и новейшая история, 1989, № 1, С. 114-132, Случ С. З. "Дело Тухачевского": велика ли заслуга СД? (по поводу новой книги немецкого историка) // Советское славяноведение 1992 № 1 С 27-29, Судоплатов П. А. Остаюсь единственным живым свидетелем // Молодая гвардия 1995 № 5 С. 25, его же: Разведка и Кремль, С. 100-108
- ⁷ Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И В Сталина. В 2 кн., М., 1989, Кн 1, Ч. 2, С 254-271
- ⁸ Роговин В. З. 1937 год. М., 1996, С. 363-448
- ⁹ Иванов В. М. Маршал М. Н. Тухачевский М, 1990 С 295-318
- ¹⁰ Сувениров О. Ф. Наркомат обороны и НКВД в предвоенные годы // Вопросы истории 1991 №6 С 28, е г о же. Трагедия первых командармов//Отечественная история 1996 №4 С 172-173
- ¹¹ См., напр., 1937. Показания маршала Тухачевского//Военно-исторический журнал 1991 № 8 С 44-53 № 9, С. 55-63, Справка о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям, в измене Родине, терроре и военном заговоре//Военные архивы России 1993 № 1 С 30-111
- ¹² " Невольники в руках германского рейхсвера " // Источник, 1994, № 3, С. 72-88
- ¹³ Данилов В. Д. Советское Главное командование в преддверии Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история, 1988, №6 С. 3-12, Сувениров О. Ф. Всеармейская трагедия // Военно-исторический журнал, 1989, № 3, С. 39-47, Волкогонов Д. А. Указ. соч. Кн. 2, Ч. 1, С. 51-55, Самсонов А. М. Вторая мировая война, 1939-1945, М., 1990, С. 102, Роговин В. З. Указ. соч. С. 363-404
- ¹⁴ Известия ЦК КПСС 1989 №4 С 42-43
- ¹⁵ Захаров В. В. Политика Советского государства по отношению к Германии в военной области и ее влияние на обороноспособность СССР (1921 -июнь 1941 гг.). Автореф. дис. докт. ист. наук, М., 1993 С 33, Молодая гвардия 1995 № 5 С. 26
- ¹⁶ Виктор Б. Указ. соч.
- ¹⁷ Решение проблемы отражения агрессии противника в начальном периоде Великой Отечественной войны / Рук. авт. кол. В А Пронько М, 1989 С. 26
- ¹⁸ Известия ЦК КПСС, 1989 № 4 С. 52-53, Версию о борьбе за власть в НКО поддерживает П. А. Судоплатов Разведка и Кремль С 103-105
- ¹⁹ Молодая гвардия, 1995, № 5, С 26, Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн. 1. Суровые испытания М, 1995, С. 62
- ²⁰ И. В. Сталин о "Кратком курсе истории ВКП(б)"//Исторический архив 1994 №5 С 22
- ²¹ Рапопорт В. Н., Геллер Ю. А. Измена Родине, М., 1995, С. 291, 277-279
- ²² Известия ЦК КПСС, 1989 № 4 С 52
- ²³ Мишанов С. Расчетливое безумие (Причины и последствия чисток в Красной Армии) // Военные знания 1994 № 1 С 12
- ²⁴ Спирин Л. М. Сталин и война // Вопросы истории КПСС, 1990 № 5 С. 90-96, Киршин Ю. Я., Раманичев Н. М. Накануне 22 июня 1941 г. // Новая и новейшая история 1991 № 3 С 4-6, Мишанов С Расчетливое безумие // Военные знания 1994 № 2 С 15
- ²⁵ Источник, 1994 № 2 С. 83, Спирин Л. М. Указ. соч. С. 92, 94
- ²⁶ Юмашева Ю. Ю. Высший командный состав советских Вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (Опыт историко-статистического анализа). Автореф. дис. канд. ист. наук, М., 1994, С. 12
- ²⁷ Мишанов С. Расчетливое безумие // Военные знания, 1994, №2 С. 15
- ²⁸ Павленко Н. Г. На первом этапе войны // Коммунист, 1988, №9, С. 88, Ржешевский О. А. Как начиналась война // Партийная жизнь, 1989 №13 С. 71, Дружба О. В. Политическая история советского общества. Вторая мировая война. Советское общество в годы Великой Отечественной войны. Ростов-на-Дону, 1991, С. 30-31, Язов Д. Т. Впереди была война//Военно-исторический журнал, 1991 №5, С. 14, Мельтюхов М. И. 22 июня 1941 г.: цифры свидетельствуют // История СССР 1991 № 3 С 27, Кузнецов Н. И. Генералы 1940 года // Военно-исторический журнал 1988 № 10 С 29, Перечнев Ю. Г. О некоторых проблемах подготовки страны и Вооруженных Сил к отражению фашистской агрессии // Военно-исторический журнал, 1988, № 4, С. 44-45, Соколов Б. В. Красная Армия в межвоенный период, М., 1990, Отечественная история, 1996, №4, С. 180
- ²⁹ Волкогонов Д. А. Указ. соч. Кн. 2. Ч. 1. С. 49-55; Исаев С. И., Раманичев Н. М., Чевела П. П. Советский Союз накануне Великой Отечественной войны, М., 1990. С. 33; Хорьков А. Г. Грозовой июнь. Трагедия и подвиг войск приграничных военных округов в начальном периоде Великой Отечественной войны М, 1991, С. 8-13, Киршин Ю. Я., Раманичев Н. М. Указ. соч.

С 4-6, Комал Ф. Б. Военные кадры накануне войны // Военно-исторический журнал, 1990, №2, С. 21-28, Данилов В. Д. Указ. соч. С. 4-8, Анфилов В. А. Грозное лето 41 года, М., 1995, С. 14-19 Горьков Ю. А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995, С. 16-17, 47-51

³⁰ Горьков Ю. А. Указ. соч. С. 47, Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Военно-исторические очерки, Кн. 1, С. 62

³¹ История второй мировой войны 1939-1945. В 12 т. Т. 2, Накануне войны, М., 1974, С. 201

³² Известия ЦК КПСС, 1990, № 1, С. 186, Российский государственный военный архив (далее - РГВА) ф. 7, оп. 15, д. 151, л. 129

³³ 1941 год - уроки и выводы / Рук. авт. кол. В. П. Неласов, М., 1992, С. 178-179

³⁴ Бородин В. П. День Победы, М., 1996, С. 35, Данилов В. Д. Указ. соч. С. 5

³⁵ Ивкин В. И. Вопросы военного строительства в деятельности Верховного Совета СССР в предвоенные годы (1937 - июнь 1941 г). Автореф. дис. канд. ист. наук, М., 1993, С. 20

³⁶ Проэктор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989, С. 304

³⁷ Спирин Л. М. Указ. соч. С. 91

³⁸ Филиппов А. О готовности Красной Армии к войне в июне 1941 года // Военный вестник АПН, 1992, № 9, С. 6

³⁹ Юмашева Ю. Ю. Указ. соч. С. 11

⁴⁰ Комал Ф. Б. Указ. соч. С. 28, Военная энциклопедия, Т. 3, М., 1995, С. 444, Печенкин А. А. Была ли возможность наступать? // Отечественная история 1995 № 3 С. 49, Великая Отечественная война Военно-исторические очерки. Кн. 1, С. 63, Бородин В. П. Указ. соч. С. 37 Скрытая правда войны 1941 год Неизвестные документы, М., 1992, С. 340-342

⁴¹ Данилов В. Д. Указ. соч. С. 5-6

⁴² Савушкин Р. А. Развитие советских Вооруженных Сил и военного искусства в межвоенный период (1921-1941 гг.), М., 1989, С. 39, Комал Ф. Б. Указ. соч. С. 28

⁴³ Подсчитано по: Якупов Н. М. Сталин и Красная Армия (Архивные находки) // История СССР 1991, №5, С. 170; Комал Ф. Б. Указ. соч. С. 28

⁴⁴ 1941 год - уроки и выводы, С. 47-49

⁴⁵ Юмашева Ю. Ю. Указ. соч. С. 12

⁴⁶ Проэктор Д. М. Указ. соч. С. 302-304; Анфилов В. А. Крушение похода Гитлера на Москву. 1941 год. М., 1989, С. 76; Самсонов А. М. Указ. соч. С. 102-103; Кулиш В. М. О некоторых актуальных проблемах историографии Великой Отечественной войны // История и сталинизм, М., 1991 С. 335-336; Канун и начало войны Документы и материалы / Сост. Л. А. Киршнер, Л., 1991, С. 30-33

⁴⁷ Проэктор Д. М. Указ. соч. С. 310

⁴⁸ Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А. Сталинизм и война. Из непрочитанных страниц истории (1930-1990-е) М, 1994. С. 210-211

⁴⁹ Великая Отечественная война 1941-1945. Энциклопедия, М., 1985 С. 246

⁵⁰ Данилов В. Д. Указ. соч. С. 15

⁵¹ Канун и начало войны. С. 30

⁵² См.: История второй мировой войны, Т. 2 С. 202; 1941 год - уроки и выводы С. 30

⁵³ РГВА, ф. 29, оп. 41, д. 193, л. 283-296

⁵⁴ Филиппов А. Указ. соч. С. 7, Мельтюхов М. И. Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии // Отечественная история 1994 №3 С. 12-14

⁵⁵ Коваль В. С. Барбаросса. Киев, 1989, С. 593-594

⁵⁶ Канун и начало войны, С. 31-32

⁵⁷ Волкогонов Д. А. Указ. соч. Кн. 2 ч. 1, С. 51; Проэктор Д. М. Указ. соч. С. 304; Самсонов А. М. Указ. соч. С. 102; Раманичев Н. М. Красная Армия всех сильнее? // Военно-исторический журнал, 1991, № 12, С. 3; Военная энциклопедия Т. 3. С. 444; Горьков Ю. А. Указ. соч. С. 16; далее на с. 47 автор указывает, что это количество командиров и политработников было уволено за 1935-1939 гг.; Куманев Г. А. 22-го, на рассвете // Правда, 1989, 22 июня

⁵⁸ Рапопорт В. Н., Геллер Ю. А. Указ. соч. С. 289, 291, 407-415, 417-437, Военно-исторический журнал 1993 № 2, 3, 5-12

⁵⁹ Данилов В. Д. Указ. соч. С. 5

⁶⁰ Комал Ф. Б. Указ. соч. С. 24-25

⁶¹ Филиппов А. Указ. соч. С. 6

⁶² Уколов А. Т., Ивкин В. И. О масштабах репрессий в Красной Армии в предвоенные годы // Военно-исторический журнал, 1993, № 1, С. 56-59

⁶³ Комал Ф. Б. Указ. соч. С. 24-25

⁶⁴ Известия ЦК КПСС, 1990, № 1, С. 189

- ⁶⁵ Бородин В. Репрессии 30-х годов и реальное состояние офицерских кадров Красной Армии накануне второй мировой войны//Военный вестник АПН, 1988 №20 С. 9-12
- ⁶⁶ Кузнецов Н. И. Указ. соч. С. 29
- ⁶⁷ Известия ЦК КПСС, 1990, №1, С. 177-192
- ⁶⁸ Там же, С. 188-189
- ⁶⁹ Комал Ф. Б. Указ. соч. С. 24
- ⁷⁰ Волкогонов Д. А. Указ. соч. Кн. 2 Ч. 1. С. 51
- ⁷¹ Там же, С. 274-276
- ⁷² Военно-исторический журнал, 1989, № 3 С 39-47; Канун и начало войны, С. 32-33; Самсонов А. М. Указ. соч. С. 103
- ⁷³ Данилов В. Д. Указ. соч. С. 7-8
- ⁷⁴ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, М, 1990 Т. 1 С. 219-237; Маршал Жуков полководец и человек, М, 1988, Т. 2. С. 203
- ⁷⁵ Симонов К. Глазами человека моего поколения, М, 1989 С. 446
- ⁷⁶ Данилов В. Д. Указ. соч. С. 7
- ⁷⁷ Мишанов С. Расчетливое безумие// Военные знания, 1994, № 1, С. 13
- ⁷⁸ Якупов Н. М. Указ. соч. С. 175, Сувениров О. Ф. Против репрессий в Красной Армии (1937-1940 гг.) // Коммунист, 1990, № 17 С. 65-75, его же: Репрессии в парторганизации РККА в 1937-1938 гг. //Вопросы истории КПСС, 1991, №6, С. 24-25, Отечественная история, 1996, №4, С. 171-172
- ⁷⁹ Комал Ф. Б. Указ. соч. С. 21-28, Сувениров О. Ф. Приказ отменять не будем // Военно-исторический журнал, 1989, № 4, С. 32-39
- ⁸⁰ Комал Ф. Б. Указ. соч., С. 25-28
- ⁸¹ Мишанов С. Расчетливое безумие // Военные знания, 1994, №2, С. 14, Ивкин В. И. Указ. соч. С. 20
- ⁸² Вопросы истории, 1991, №6, С. 26-28
- ⁸³ Проектор Д. М. Указ. соч. С. 302
- ⁸⁴ Известия ЦК КПСС, 1989, №4, С. 42-43
- ⁸⁵ Вопросы истории КПСС, 1991, №6, С. 18-31; Сувениров О. Ф. Трагедии не избежал никто (Судьба первых армейских комиссаров РККА) // Кентавр, 1992, Ноябрь-декабрь, С. 41-58; Роговин В. 3. Указ. соч. С. 378
- ⁸⁶ Вопросы истории, 1991, №6, С. 28-35
- ⁸⁷ Якупов Н. М. Указ. соч. С. 171-172